

Реакция переходит в контрнаступление:

Эскалация нападок на правозащитные институты, организации и активистов

Кеннет Росс, исполнительный директор Хьюман Райтс Вотч

Январь 2010 г.

У каждого правительства в тот или иной момент возникает соблазн переступить через права человека. Чтобы помочь правительствам противостоять этому искушению, правозащитное движение стремится повысить цену вопроса и заставить власти задуматься об издержках такого шага.

Возможности, которыми располагают правозащитники, чтобы сделать нарушение прав человека запретительно дорогим занятием, за последние годы значительно увеличились. Сегодня активисты в силах предавать гласности факты произвола практически в любой точке планеты, выставляя нарушителей на всеобщее осуждение, мобилизуя заинтересованные правительства и институты на защиту пострадавших, а в самых вопиющих случаях – привлекая механизмы международного уголовного преследования. Все эти инструменты обладают достаточной эффективностью, и они не утратили силу даже в ситуации, когда некоторые традиционные сторонники прав человека изменили своим принципам. Сила порождает противодействие, и ответное наступление реакции было особенно ощутимым в 2009 г.

Некоторые правительства-нарушители – иногда общими усилиями, а иногда действуя параллельно – развернули массированное контрнаступление на правозащитные институты, организации и отдельных активистов. Его цель состоит в том, чтобы заблокировать источник утечки информации, парировать внешнее давление и в итоге минимизировать издержки от нарушений прав человека.

Такую реакцию можно в какой-то мере рассматривать как вынужденное признание силы правозащитного движения. Если бы правительство не чувствовало угрозы, оно едва ли стало бы тратить ресурсы на нейтрализацию ее источника. Но, каким бы лестным ни было такое своеобразное признание, опасность не становится от этого меньше. Речь идет о посягательствах на самые основы правозащитной деятельности.

Методы могут быть разными: от завуалированных до откровенных, от изящных до жестко безжалостных. Иногда активисты – будь то собственно правозащитники, журналисты, адвокаты, сборщики подписей под обращениями или любые другие люди, которые документируют и передают гласности нарушения или защищают интересы пострадавших, - подвергаются притеснениям или задержанию, а порой и погибают от рук убийц. Организации ликвидируют или не дают им работать. Для этого годятся все средства: от классических полицейских рейдов до изощренного использования регулирующих норм.

Наступление реакции не обошло стороной и международные институты. Формирование системы международного правосудия, в первую очередь в лице Международного уголовного суда, стало сильнейшим раздражителем для тех лидеров, которым есть чего бояться. По-видимому, они хотели бы отправить в небытие любой институт, способный реально наказывать виновных в нарушениях прав человека. В ход идет целый набор аргументов, находящих свой отклик в международном сообществе, но в конечном счете несовместимых с императивом правосудия за наиболее тяжкие международные преступления. Главный межправительственный орган системы ООН – Совет по правам человека также страдает от согласованных усилий, направленных на подрыв его потенциала через приглушение голосов тех, кого правительства не могут контролировать.

С появлением новой силы в лице мощного правозащитного движения нарушения прав человека, конечно, не прекратились. Иногда давление на правительство помогает смягчить или обуздать произвол, но бывает достаточно ситуаций, когда для власти цель оправдывает средства. Общая тенденция, однако, заключается в том, что все чаще правительства-нарушители рассчитывают и стащить свой сыр, и не попасться на этом. Они надеются, что смогут обеспечить себе такое идиллическое благоденствие через подавление людей и подрыв институтов, которые пытаются доказывать, что за все рано или поздно придется платить.

Привычка властей пенять на зеркало возникла далеко не вчера. Правозащитники во все времена сталкивались с цензурой, их отправляли за решетку, убивали, или они вдруг бесследно исчезали. Но сегодня, когда правозащитное движение стало намного более влиятельным и действенным фактором мировой жизни, многие правительства переходят к более тонким и изощренным действиям. Убивают так, чтобы потом можно было правдоподобно отрицать свою причастность. Политически мотивированные преследования маскируются под заурядные уголовные дела. Цензура осуществляется с помощью внешне нейтральных регулирующих норм. Можно еще перекрывать финансирование. Как отмечала в августе прошлого года спецдокладчик ООН по

правозащитникам, «сегодня пути и средства, используемые в определенных странах для ограничения деятельности правозащитных организаций, все шире и шире применяются во всех регионах мира».

Источник угрозы не ограничивается привычными авторитарными режимами, такими как кубинский или китайский. Давление на документирующие нарушения местные и международные правозащитные группы нарастает и в нормальных демократических странах, как на Шри-Ланке, и в государствах, лишь внешне соблюдающих демократическую атрибутику, как в России.

Пока еще все эти нападки заметно не сказались на силе давления со стороны правозащитников, большинство которых принимают их как должную оценку своей работы и только удваивают усилия. Однако из этого вовсе не следует, что кампанию по подрыву правозащитной деятельности можно считать такой уж безобидной. Вынося эту тему в эпиграф нынешнего Всемирного доклада, Хьюман Райтс Вотч хотела привлечь внимание к опасной тенденции и внести свой вклад в борьбу с ней. Эффективная защита прав человека напрямую зависит от силы правозащитного движения, которое сегодня само оказалось под ударом. Мы обращаемся с призывом ко всем правительствам, которым небезразличны права и свободы, помочь защитить правозащитников, выявляя происки реакционных сил и ставя им заслон.

Правозащитники и правозащитные организации

Убийства и другие физические посягательства

Убийство уже давно используется властями как способ подавления критики со стороны правозащитников. Характерной особенностью современной ситуации является отказ от лобовых действий: власти сегодня все чаще предпочитают прикрываться «неустановленными лицами», преступления которых затем удобно не замечаются национальными органами правосудия.

Россия

В 2009 г. Россия держала печальное первенство по физическим расправам с неугодными правозащитниками. Нескольких жертв объединяло то, что они занимались произвольными задержаниями, пытками и внесудебными казнями, совершаемыми в истерзанной войной Чечне местными силовыми структурами, фактически подконтрольными президенту Рамзану Кадырову. Этому «беспределу» не могла не способствовать политика федерального центра, приводившая к формированию атмосферы безнаказанности в республике.

- В июле Наталья Эстемирова – известная правозащитница, сотрудник чеченского отделения правозащитного центра «Мемориал», была похищена неизвестными у своего дома в Грозном и позднее в тот же день была найдена убитой в соседней Ингушетии.
- В августе некие силовики похитили из Грозненского офиса руководителя гуманитарной НПО «Спасем поколение» Зарему Садулаеву и ее мужа Алика Джабраилова, на следующий день их нашли убитыми в пригороде Грозного.
- В январе в Вене неизвестный застрелил бывшего охранника Кадырова Умара Исраилова, обратившегося в Европейский суд по правам человека с жалобой на применение к нему пыток.

В январе в центре Москвы после пресс-конференции были убиты известный адвокат-правозащитник Сатнислав Маркелов и журналист Анастасия Бабурова. Арестованы двое подозреваемых, один из них, как сообщалось, сознался в убийстве по личным мотивам, якобы связанным с работой Маркелова против российских неонацистов. На момент подготовки этого материала другой информации не было. Убитый адвокат также представлял интересы семьи чеченской девушки, которая была убита российским полковником. Ранее он также представлял интересы Анны Политковской из «Новой газеты», много писавшей о нарушениях в Чечне при Рамзана Кадырове. Она была убита в Москве в 2006 г., однако на момент подготовки этого материала виновные еще не были привлечены к ответственности.

Нападениям подвергались и правозащитники, которые занимаются совсем другими проблемами:

- В июле был найден мертвым пропавший двумя месяцами ранее Андрей Кулагин из петрозаводской НПО «Справедливость», занимавшийся проблемами коррупции. В том же месяце в подмосковных Химках ранение из травматического пистолета получил Альберт Пчелинцев, который борется с коррупцией в местной администрации. Неизвестные выстрелили ему в рот, заявив, что это должно заставить его замолчать.
- В августе в Махачкале был подожжен офис НПО «Матери Дагестана за права человека», объединяющей матерей, сыновья которых предположительно стали жертвой насильственного исчезновения. Перед этим имена некоторых сотрудников фигурировали в листовке с призывом убивать правозащитников.
- В мае по явно надуманному делу был арестован екатеринбургский правозащитник Алексей Соколов - руководитель НПО «Правовая основа» и член Общественной наблюдательной комиссии Свердловской области, которая занимается

мониторингом мест заключения. Уже после ареста ему «напомнили», что «милиция никому не подконтрольна».

Другие страны

В 2009 г. активисты становились жертвами убийств, исчезновений или других серьезных посягательств на жизнь и здоровье не только в России.

- В Кении в марте Оскар Камау Кингара и Джон Поль Оулу из НПО по оказанию правовой помощи Oscar Foundation были убиты неизвестными в Найроби, после того как проинформировали спецдокладчика ООН Филиппа Олстона о внесудебных казнях со стороны полиции.
- В Бурунди в апреле был убит Эрнест Манирумва из антикоррупционной НПО OLUCOME. Первая комиссия, назначенная властями, ограничилась символическим расследованием, затем в октябре правительство было вынуждено создать, по крайней мере – внешне, более серьезную комиссию.
- На Шри-Ланке в мае был похищен вооруженными людьми в форме и впоследствии бесследно исчез Стивен Сунтхарадж из Центра прав человека и развития. Незадолго до исчезновения он был по постановлению Верховного суда освобожден из полицейского изолятора, где провел под стражей два месяца.
- В Афганистане в апреле застрелили известную правозащитницу из Кандагара Ситару Ачакзай. Перед этим она в течение нескольких недель сообщала властям об угрозах в свой адрес, но власти ничего не предпринимали – обычная ситуация для женщин в общественной жизни Афганистана, с которой сталкиваются и политики, и журналисты, и правозащитники. Сколько-нибудь серьезных попыток найти убийц не предпринималось.
- В Малайзии в августе был забит палками атташе филиппинского посольства по социальным вопросам Финардо Кабилао, который, среди прочего, занимался борьбой с торговлей людьми.
- В Индии адвокаты, защищавшие подозреваемых в терроризме, подвергались нападениям со стороны собственных коллег, нередко связанных с шовинистическими индусскими организациями; им также угрожали группы погромщиков. Никаких мер к инициаторам таких посягательств властями не принималось. Так, в марте Анджали Вагхмаре вызвалась бесплатно представлять интересы Аджмала Амира Касаба – единственного боевика, оставшегося в живых после мумбайских событий ноября 2008 г. После этого ее дом в Мумбаи окружила толпа из примерно 200 человек во главе с местными лидерами «Шив сены». Погромщики стали забрасывать дом камнями и выкрикивать ругательства. Судья постановил обеспечить адвокату усиленную охрану, однако никто из погромщиков

на момент подготовки этого материала так и не были привлечен к уголовной ответственности.

- В Узбекистане в мае трое активистов Правозащитного альянса (Елена Урлаева, Саломат Бойматова и Ильнур Абдулов) были остановлены предположительно переодетыми в штатское милиционерами, когда направлялись в ташкентский офис ООН для передачи доклада о положении правозащитников в Узбекистане. Когда активисты заявили, что не поедут в отделение, трое сотрудников избили Абдулова и затолкали всех в ожидавшую милицейскую машину. В милиции им задавали только общие вопросы, не связанные с каким-либо преступлением, и вскоре отпустили. При этом с Урлаевой взяли подписку о неучастии в каких-либо правозащитных акциях до 10 июня включительно, когда в Ташкенте должны были пройти консультации по правам человека между ЕС и Узбекистаном. Несмотря на явную эскалацию преследований правозащитников, Евросоюз в октябре отменил эмбарго на поставки оружия в Узбекистан – последний осколок санкций, введенных после андижанских событий 2005 г.

Закрытые общества и ограничение гражданской активности

В некоторых странах сложился настолько репрессивный режим, что открытое существование национального правозащитного движения попросту невозможно: опасность слишком велика. Такие правительства также исключают возможность попадания в их страну международных наблюдателей. Характерными примерами такого рода служат Эритрея, КНДР и Туркменистан. В Бирму и Иран международным организациям доступ также закрыт, хотя там и существует немногочисленное правозащитное сообщество, действующее на грани выживания. Саудовская Аравия не признает неправительственной защиты прав и свобод, порой не обращая внимания на отдельных активистов, но чаще тут же «прихлопывая» их, когда их позиция получает сколько-нибудь широкий резонанс, особенно в западных СМИ. В Сомали настолько опасно, что открытый правозащитный мониторинг там невозможен в принципе: за последние три года войны гражданское общество практически уничтожено, многие активисты погибли или эмигрировали.

Ливия соглашается на международный мониторинг, но фактически запрещает национальный, поскольку концепция независимого гражданского общества не соответствует теории Муамара Каддафи о прямом – без посредников правлении народа. В Сирии все правозащитные группы не имеют официального статуса, поскольку их заявки о регистрации неизменно отвергаются властями. Когда Национальная организация по правам человека в административном суде обжаловала такой отказ,

Министерство по социальным вопросам и труду потребовало привлечь ее членов к уголовной ответственности.

В некоторых в остальном вполне открытых обществах международные правозащитные организации не допускаются в районы тех или иных серьезных нарушений. Власти Индонезии закрыли Папуа для Международного комитета Красного Креста и международных правозащитных организаций. Израиль во время конфликта декабря 2008 г. – января 2009 г. не пропускал в Газу своих собственных и международных правозащитников и журналистов. Правозащитники не могли проникнуть туда с территории Израиля и впоследствии, хотя после конфликта открылся путь через Египет, а правозащитники внутри самого сектора не прекращали работу и во время конфликта. На Шри-Ланке местные и международные правозащитные организации и независимые журналисты не могли попасть в большинство районов зоны конфликта, иссякшего в 2009 г., и не имели доступа в лагеря для вынужденных переселенцев.

Есть целый ряд стран, куда не допускаются независимые эксперты и докладчики системы ООН. Несмотря на давние и неоднократные запросы приглашений, возможности попасть в Узбекистан, Туркменистан и Вьетнам безуспешно ожидают по пять и более спедокладчиков и рабочих групп, в том числе по пыткам и по правозащитникам. Аналогичную позицию занимают еще такие государства, как Египет, Эритрея, Эфиопия, Пакистан и Саудовская Аравия. Правительство Зимбабве в конце октября 2009 г. не пустило в свою страну спедокладчика по пыткам, хотя перед этим само направило ему приглашение и согласовало сроки визита, а Россия упорно отказывается обеспечить этому же спедокладчику условия посещения, которые соответствовали бы его мандату.

Некоторые правительства без особых церемоний попросту ликвидируют правозащитные организации.

- После выдачи в марте 2009 г. Международным уголовным судом ордера на арест суданского президента Омара эль-Башира власти этой страны закрыли три местные правозащитные организации и выслали 13 международных гуманитарных НПО из Дарфура.
- Правительство Китая в июле закрыло Открытую конституционную инициативу – ведущую НПО страны по оказанию правовой помощи, которая занималась такими вопросами, как глубинные причины протестов в Тибете в 2008 г. и скандал с меламинам молоком, которым отравились сотни тысяч детей.
- В Азербайджане после шести отказов в регистрации Центра мониторинга выборов власти в феврале 2008 г. ненадолго зарегистрировали его, но уже через три месяца

закрыли – якобы за представление недостоверной информации об учредителях и юридическом адресе и за несогласованное открытие региональных офисов. В 2009 г. эта НПО пыталась зарегистрироваться во вновь созданном виде под названием «Центр мониторинга выборов и демократических исследований», однако в мае и августе ей было отказано.

Аресты, притеснения, угрозы

Во многих странах власти открыто притесняют или задерживают правозащитников.

- На Кубе власти отказываются признавать за любой независимой правозащитной организацией право на законное существование. Местные активисты регулярно подвергаются притеснениям, под угрозой физической расправы и ареста от них требуют прекратить правозащитную деятельность или отправляют за решетку в условиях, когда действуют широкие нормы закона, предусматривающие уголовную ответственность едва ли не за любое проявление инакомыслия. Сегодня на Кубе отбывают срок десятки правозащитников, в том числе несколько человек, осужденных по уголовной норме об «опасном состоянии», позволяющей посадить человека еще до того, как он совершил преступление (концепция предделиктной опасности).
- Вьетнамские власти запрещают независимые правозащитные организации, считая их проводниками заговоров по подрыву власти Компартии через «мирную эволюцию». Нередко правозащитников отправляют за решетку по делам о государственной безопасности, связанным со «злоупотреблением демократическими свободами» выражения мнений, собраний и ассоциации в целях «посягательства на интересы государства». Адвокаты, которые пытаются защищать таких людей, сами сталкиваются с угрозами, притеснениями, лишением лицензии, нападениями и арестами. Так, в июне 2009 г. была арестована адвокат Ле Конг Дин, которого обвинили в том, что он использовал представление интересов активистов за демократию и свободу религии для «антиправительственной пропаганды и искажения конституции и законов Вьетнама». Адвоката-правозащитника Буй Ким Тхань в 2008 г. отправили в «психушку» за ее поддержку крестьян, которые искали защиты от изъятия земель.
- В Иране в декабре 2008 г., накануне празднования 60-й годовщины Всеобщей декларации прав человека, спецслужбы ворвались в офис лауреата Нобелевской премии мира Ширин Эбади, забрали все материалы и компьютеры и арестовали нескольких сотрудников. В ноябре 2009 г. власти отобрали у Эбади Нобелевскую медаль и предъявили ей налоговые претензии по денежной составляющей премии.

Многих известных адвокатов-правозащитников арестовывали, чтобы не дать им защищать оппозиционеров после спорных президентских выборов июня 2009 г.

- Саудовская тайная полиция арестовала правозащитников Мухаммеда эль-Утейби и Халида эль-Умейра, когда те собрались принять участие в мирном митинге солидарности с Газой. На момент подготовки этого материала их держали в предварительном заключении уже больше установленного предельного срока в шесть месяцев, хотя прокуратура решила закрыть дело. В ноябре 2009 г. Халида перевели в одиночку, когда власти заподозрили его в том, что он по нелегально полученному мобильному телефону передает коллегам информацию об условиях содержания, в том числе о фактах избияния заключенных и смертности из-за отсутствия медицинской помощи.
- В октябре 2009 г. сирийская госбезопасность арестовала известного 78-летнего адвоката-правозащитника Хайтама эль-Малеха после его выступления на оппозиционном телеканале, в котором он критиковал продолжающееся подавление свободы выражения мнений. В ноябре военный суд предъявил ему обвинение в «распространении ложной или преувеличенной информации, могущей ослабить национальный дух». На момент подготовки этого материала процесс продолжался.
- В Камбодже в течение 2009 г. свыше 60 местных активистов были отправлены за решетку или ожидали суда – нередко по надуманным обвинениям – за оказание организационной и правовой помощи членам своих общин, которым грозили выселение или незаконная конфискация земли со стороны частных компаний, связанных с высокопоставленными чиновниками или военными.
- Йемен оставался верен своей зловещей репутации зоны насильственных исчезновений, очередной жертвой которых стал журналист онлайн-газеты оппозиционной Соцпартии *Eshtraki.net* Мухаммед эль-Макалих. В сентябре 2009 г. его схватили в Сане несколько неизвестных, после того как он выступил с критикой правительства за бомбежки мятежников на севере страны. Его коллеги говорят, что его видели сначала в тюрьме службы политической безопасности, затем – в тюрьме министерства обороны, а в ноябре – в аденской тюрьме.

Некоторые правительства для сдерживания или наказания правозащитников прибегают к прямому насилию или акциям устрашения.

- В Колумбии президент Альваро Урибе и высокопоставленные правительственные чиновники безосновательно обвиняли правозащитников, журналистов и профсоюзных активистов в связях с повстанцами из Революционных вооруженных сил (РВСК, FARC). С учетом многолетней традиции убийств правозащитников незаконными вооруженными формированиями такие обвинения могут быть крайне

опасными. Колумбийская разведка, непосредственно подчиняющаяся президенту, пристально следила за правозащитными организациями, используя такие методы, как незаконное прослушивание, перехват электронной почты и наружное наблюдение.

- В Демократической Республике Конго власти обвиняли правозащитников в «гуманитарном терроризме», серьезно усугубляя опасность, которой активисты и без того подвергались, работая в зоне боевых действий на востоке страны.
- Несколько ланкийских активистов из-за угроз и притеснений были вынуждены эмигрировать. В августе 2009 г. Пайкьясотхи Сараванамутту, директор Центра политических альтернатив – аналитической организации, нередко критикующей правительство, получил анонимное письмо с угрозой физической расправы, в котором говорилось, что из-за неблагоприятной ситуации с правами человека Шри-Ланка может лишиться привилегий в торговле с Евросоюзом. Через две недели он был ненадолго задержан и допрошен полицией в аэропорту по возвращении из-за границы.
- В Никарагуа активисты за права женщин, выступавшие против введенного в 2006 г. полного запрета аборт, подвергались проверкам своей деятельности, получали звонки с угрозами и сталкивались с актами вандализма со стороны неустановленных лиц.

Несмотря на широкое международно-правовое признание репродуктивных и сексуальных прав, во многих регионах мира они остаются политически и социально чуждыми. В отношении тех, кто пытается утверждать эти права, сохраняется устойчивая практика дискриминации и крайних форм насилия, порой доходящего до убийств. Противоречия в политике и обществе, связанные с ВИЧ/СПИДом, обеспечением доступности безопасного и легального аборта или с правами лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров нередко выливаются в нападения на профильных активистов и НПО. В Уганде дело дошло до появления проекта «антигомосексуального» закона, предполагающего введение уголовной ответственности за «продвижение» гомосексуальности и ликвидацию соответствующей НПО.

Ограничительные регулирующие нормы

Приведенные выше методы обеспечения молчания правозащитников едва ли можно отнести к завуалированным. Но, с другой стороны, в силу своей прямоты они чреваты для правительства непосредственными репутационными издержками и негативными последствиями во внешних связях. Поэтому правительства-нарушители часто прибегают к более тонким приемам. Так, в последнее время просматривается тенденция к введению обременительных регулирующих норм, направленных на формирование

режима наименьшего благоприятствования для создания и деятельности НПО. Как отмечала в 2006 г. спецдокладчик ООН по правозащитникам, «в то время как в отдельных государствах принято национальное законодательство, отражающее их международные обязательства по Декларации [о правозащитниках], преобладающая тенденция состоит в принятии новых законов, сужающих поле для правозащитной деятельности». Правительства, которые прибегают к этой тактике, пытаются представить дело таким образом, как будто речь идет всего лишь о нормальном контроле за важным сегментом общественной жизни, однако реально их действия продиктованы стремлением не позволить гражданским группам требовать от государства соблюдения международных стандартов в области прав человека и объективно служат именно этой цели.

Пожалуй, одним из зачинателей этой своеобразной «новой волны» стала Россия, где в 2006 г. вступило в силу новое законодательство о неправительственных организациях. Параллельно с ним применяются налоговые и пожарные проверки, а также дела о защите интеллектуальной собственности (как правило, речь идет о нелегальном программном обеспечении). Относительно «безобидные» НПО эта волна почти не затрагивает, однако те, которые занимаются острыми вопросами, в полной мере ощутили воздействие обременительных норм, пристального надзора, избирательных проверок и угрозы ликвидации за несоблюдение требований действующего законодательства. Хорошо, если таким НПО приходится «всего лишь» впустую тратить ресурсы на общение с бесконечными проверяющими. К тому же, как показало одно из исследований, регистрация НПО стала обходиться на 40% дороже, чем в случае с коммерческой организацией. Хуже, когда НПО сталкивается с угрозой ликвидации или приостановления деятельности по относительно безобидным основаниям технического характера или из-за постоянных запросов и проверок лишается возможности осуществлять свою основную деятельность. В 2009 г. суды по незначительным техническим основаниям ликвидировали два региональных отделения движения «За права человека», а Межрегиональная ассоциация правозащитных организаций «АГОРА» с июля была фактически парализована чередой дотошных проверок.

Еще более катастрофические последствия наблюдались в Эфиопии, где принятое в январе 2009 г. новое законодательство о неправительственных организациях фактически почти полностью уничтожило национальный правозащитный мониторинг. Новый закон запрещает заниматься правами человека и вопросами качества госуправления «иностранным организациям», для отнесения к которым достаточно превышения 10-процентного порога зарубежного финансирования. Не имея достаточных источников средств внутри страны, НПО вынуждены избегать таких

чувствительных вопросов. Правительство при этом ссылается на международный опыт, кивая на США, где запрещено зарубежное финансирование политических кандидатов, но ведь политика не имеет ничего общего с реализацией гражданскими группами прав на свободное выражение мнений, ассоциацию и мирные собрания. Эфиопские власти также указывают, что не собираются запрещать зарубежное финансирование программ развития (немалый, кстати, источник поступлений для правительства), однако вряд ли можно обеспечить удовлетворение этими программами действительно самых насущных потребностей населения без того самого независимого гражданского мониторинга, который раздавлен новым законом. К этому добавляется еще и новое антитеррористическое законодательство, позволяющее в уголовном порядке преследовать мирные акции общественного протеста с помощью широкой нормы о поддержке терроризма.

В Индии закон о зарубежных пожертвованиях, изначально принятый с прицелом на политические партии, отдельных политиков и кандидатов на выборные посты, вместо этого используется для давления на организации, которые критикуют правительство, и лишения их финансирования. Предложенные поправки в этот закон призваны запретить НПО искать и получать финансовую поддержку любой деятельности, признанной «противоречащей национальным интересам».

В Израиле премьер Беньямин Нетаньяху пошел на откровенное злоупотребление должностным положением, чтобы перекрыть финансирование одной из ведущих правозащитных групп. В августе он публично призвал европейские государства перестать давать деньги ветеранской организации *Breaking the Silence*, вскоре после того как та обнародовала резко критический доклад о действиях израильской армии в Газе. В докладе приводились свидетельства 26 солдат, участвовавших в этой военной операции. Высокопоставленный чиновник из аппарата премьера заявил тогда: «Мы намерены выделить время и людей на борьбу с этими группами. Мы не собираемся сидеть, как утки в пруду, чтобы эти правозащитники безнаказанно расстреливали нас».

Можно привести и другие примеры ограничительного законодательства.

- В Египте закон об общественных объединениях предусматривает уголовную ответственность, среди прочего, за «участие в политической или профсоюзной деятельности» и позволяет ликвидировать НПО в административном порядке. В этой стране также сохраняется целый набор административных мер, ограничивающих естественное развитие гражданского общества и открывающих широкие возможности для политического или бюрократического вмешательства. Обыденной

практикой является проверка заявлений и отказ в регистрации со стороны спецслужб, которые также держат под наблюдением руководителей НПО, их деятельность и источники финансирования.

- В Иордании законодательство 2009 г. позволяет властям смещать руководство НПО и заменять его чиновниками. НПО также обязаны теперь получать разрешение властей на получение любых зарубежных грантов.
- Угандийское законодательство 2007 г. требует от НПО не менее чем за неделю уведомлять власти о любых планируемых «прямых контактах с населением в любом сельском районе» страны.
- В Туркменистане власти не пытаются соблюдать даже видимость независимости НПО. В соответствии с действующим законодательством для регистрации НПО необходимо заручиться поддержкой какого-либо государственного ведомства. Представители властей вправе присутствовать на любом собрании, а каждый грант подлежит обязательной регистрации в министерстве юстиции.
- Ливийский закон об общественных объединениях требует санкционирования любой НПО политическим органом и позволяет правительству в любой момент вмешиваться в деятельность организации. Подозрение в отходе от идеологии Ливийской революции 1969 г. чревато уголовным преследованием – вплоть до смертной казни.

Такая тактика ограничения правозащитного мониторинга оказалась настолько удобной, что проекты аналогичного законодательства появились в целом ряде государств – далеко не обязательно традиционно относящихся к репрессивным.

- В Венесуэле с 2006 г. в парламенте лежит законопроект, предусматривающий туманно прописанный порядок регистрации НПО, которые получают зарубежное финансирование, и детальную отчетность об их деятельности, источниках финансирования и расходах.
- В Перу парламентским комитетом предпринимаются инициативы по восстановлению законодательства, позволяющего государству осуществлять надзор за НПО, хотя такой закон уже был отменен Конституционным трибуналом.
- В Камбодже в ноябре 2009 г. премьер Хун Сен объявил о скором принятии закона, который даст возможность провести «прополку сорных НПО», которые «слишком громко кричат», используются для прикрытия политической или террористической деятельности или финансируются иностранными государствами для создания оппозиции правительству. Законопроект должен в ближайшем будущем поступить на рассмотрение Национальной ассамблеи, гражданские группы с ним не ознакомили и их мнением по этому вопросу не интересовались.

- В Руанде правительство собирается ужесточать и без того обременительные требования к отчетности, в соответствии с которыми НПО обязаны в дополнение к ежегодному отчету о деятельности сообщать подробную информацию о своих финансах, сотрудниках и активах.
- В Киргизии в 2009 г. правительство вносило в парламент законопроект, предусматривающий для НПО обременительную отчетность, запрет на участие в «политической» деятельности и новый порядок проверок и предупреждений. После возмущенной реакции в стране и за рубежом рассмотрение этого законопроекта было отложено.

Лишение права заниматься адвокатской практикой

Поскольку адвокаты нередко играют заметную роль в защите прав человека, они с такой же частотой и сами становятся мишенью для преследований. В Китае и Иране зафиксированы случаи, когда адвокатов по политическим мотивам лишали лицензии, чтобы не дать им защищать пострадавших от нарушений.

- В Китае против «не в меру активных» адвокатов применялись такие методы, как отказ в продлении лицензии, давление на юридические фирмы, в которых они работают, и введение ограничений на категории дел, которыми им разрешено заниматься. Самой крупной известной акцией властей была одномоментная дисквалификация почти трех десятков пекинских адвокатов. Все они занимались резонансными делами, неудобными либо для местной, либо для центральной власти: скандал с меламиновым молоком, обвинения в коррупции при строительстве школ, которые обрушились во время сычуаньского землетрясения 2008 г., спор относительно контроля государства над пекинской коллегией адвокатов, а также весь набор нарушений прав человека от сгона с земли крестьян и фермеров до политически мотивированных преследований диссидентов и людей с «неправильными» религиозными взглядами.
- В июне 2009 г., после спорных президентских выборов, иранское правительство ввело новые правила, жестко ограничивающие независимость национальной коллегии адвокатов и позволяющие властям решать, кто имеет право на практику. До этого коллегия, обладая исключительным правом выдавать лицензии на адвокатскую практику или лишать их, могла противостоять попыткам давления на адвокатов-правозащитников со стороны государства.
- В Сирии в июле органами госбезопасности был арестован председатель Сирийской организации по правам человека Мухаммед эль-Хасани. Следственный судья предъявил ему обвинение в «подрыве национального духа» и «распространении ложной или преувеличенной информации в связи с его мониторингом процессов в

Высшем суде государственной безопасности. На момент подготовки этого обзора процесс по его делу продолжался. В сентябре национальная коллегия адвокатов приняла решение лишить его лицензии.

Уголовные дела

Во многих странах правозащитникам затыкают рот с помощью надуманных уголовных дел.

- Чтобы разгромить Открытую конституционную инициативу - ведущую китайскую НПО в области оказания правовой помощи, пекинские власти в августе 2009 г. арестовали по подозрению в уклонении от уплаты налогов ее создателя Сюй Чжиюна и одного из сотрудников. Формальное основание: неуплата налогов с гранта Йельского университета. Заодно лишили регистрации и саму организацию. Благодаря давлению национальной и международной общественности удалось добиться освобождения Сюй Чжиюна однако деятельность НПО по-прежнему парализована.
- В ноябре в Китае по делу о «хранении материалов, составляющих гостайну», был осужден ветеран-правозащитник Хуан Ци: на закрытом процессе ему дали три года, так и не объяснив общественности, какие именно материалы он хранил. Перед этим Хуан Ци расследовал заявления о том, что одной из причин обрушения школ во время сычуаньского землетрясения в мае 2008 г. было неудовлетворительное качество строительства. В августе 2009 г. власти также отдали под суд по делу о «подрывной деятельности» активиста-эколога Тань Цзожэня за составление им списка погибших в Сычуане детей.
- Возбуждение против правозащитников надуманных уголовных дел часто практикуется в Узбекистане, особенно если речь идет о правах фермеров. Так, в ноябре 2009 г. на пять лет по делу о мошенничестве и получении взятки был осужден Ганихон Маматханов – правозащитник, активист за права фермеров, регулярно комментировавший ситуацию с правами человека для узбекской службы Радио Свобода. Обстоятельства его задержания в октябре давали основания предполагать, что дело было заранее подстроено. Маматханову позвонил неизвестный, попросивший о встрече в районе городского рынка. При встрече незнакомец, как сообщают, набросился на правозащитника и стал запихивать что-то ему в портфель. Маматханов попытался помешать ему и, поняв, что это «подстава», хотел выбросить подложенное из портфеля. Однако в этот момент он был задержан сотрудниками милиции, которые «обнаружили» у него 500 тыс. сумов (около 330 долл. США). Маматханов утверждает, что никогда раньше не видел этого человека.

- В Руанде против критиков правительства или тех, кто занимается прошлыми нарушениями со стороны Патриотического фронта, применяются уголовные дела по закону о запрете «идеологии геноцида» или народные суды, на которых оппонентов власти безосновательно обвиняют в причастности к геноциду 1994 г. Преподносимые как меры по обеспечению национального примирения, эти шаги, однако препятствуют формированию независимых гражданских организаций, которые как раз и могли бы способствовать сближению этнических групп и снижению межэтнической напряженности.
- В Иране очень многих гражданских активистов арестовывают и осуждают на том основании, что их деятельность или высказывания «наносит ущерб национальной безопасности» или что они являются «агентами иностранных государств». Еще тяжелее приходится курдским правозащитникам, которых приговаривают к длительным срокам или даже к смерти. В 2008 г. смертный приговор был вынесен Фарзаду Камангару из Организации по защите прав человека в Курдистане, которого бездоказательно обвинили в принадлежности к запрещенной Курдской рабочей партии. Глава этой же организации Мухаммед Садык Кабудванд за свою неправительственную деятельность получил 11 лет, к различным тюремным срокам были приговорены 12 его коллег.

В Казахстане человеческая трагедия избавила власти от необходимости фабриковать дело. В сентябре 2009 г. самый известный правозащитник страны - основатель и руководитель Казахстанского международного бюро по правам человека и соблюдению законности Евгений Жовтис был признан виновным в совершении ДТП со смертельным исходом. Следствие и суд сопровождались серьезными процессуальными нарушениями, которые во многом лишили обвиняемого права на защиту и давали основания опасаться, что дело против него используется для сведения политических счетов.

Излюбленным средством подавления критики со стороны правозащитников также служит уголовная ответственность за клевету.

- В Марокко в июне председатель Ассоциации прав человека в Рифе Шекиб эль-Киари получил три года за то, что его заявления о причастности госчиновников к наркотрафику «наносит тяжкое оскорбление» органам государственной власти. «В доверок» ему добавили мелкие валютные нарушения.
- В России президент Чечни Рамзан Кадыров подал гражданский иск о защите чести и достоинства и заявление о возбуждении уголовного дела по факту клеветы в отношении руководителя правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова, который заявил, что Кадыров несет ответственность за убийство правозащитницы

Натальи Эстемировой. В октябре, еще до завершения следствия по делу об убийстве, суд удовлетворил гражданский иск. Уголовное дело по факту клеветы на момент подготовки этого обзора было на начальной стадии.

- В Сербии директор Центра гуманитарного права Наташа Кандич, активно критикующая правительство за неполное признание роли Белграда в военных преступлениях на Балканах 1990-х гг., на момент подготовки этого обзора была фигурантом десятка гражданских и уголовных дел, инициированных в 2009 г. сербскими государственными чиновниками. Среди истцов – высокопоставленные чины МВД и полиции, которых Наташа Кандич обвиняет в прямой или косвенной причастности к военным преступлениям. Сербское правительство все эти дела официально никак не комментирует.
- В Индонезии директор известной в стране правозащитной организации «Контрас» Усман Хамид проходит по уголовному делу о диффамации, которое было инициировано бывшим командиром спецподразделений и зам. директора национальной разведки Мучди Пурвопранджоно. Правозащитник позволил себе негативно высказаться об оправдании силовика на весьма неубедительном процессе об отравлении мышьяком основателя «Контрас» Мунира Саида Талиба.

Вариацией на ту же тему можно назвать случай на Шри-Ланке, когда четверых государственных врачей несколько месяцев держали под арестом за якобы «распространение ложной информации»: они сообщали о неизбирательных артобстрелах правительственными войсками больниц в контролируемых ТОТИ районах в финальной части операции по разгрому «тигров».

* * *

Какие бы формы ни принимали попытки властей подавить или наказать правозащитников и какую бы изобретательность ни проявляло при этом государство, мотивы, в общем-то, всегда одни и те же. В сегодняшнем мире нарушение прав человека обходится недешево. Можно было бы надеяться, что для большинства правительств издержки послужат дополнительным стимулом к тому, чтобы не нарушать международно-правовые обязательства и уважать права и свободы. Но некоторые все же не могут устоять перед искушением попробовать свести издержки к минимуму, тем или иным образом нейтрализовав источники нежелательной информации. Оправданность такого циничного подхода будет зависеть от силы ответного реагирования со стороны тех правительств, которые по-настоящему привержены правам человека. Привлекая внимание к складывающейся тревожной тенденции, Хьюман Райтс Вотч рассчитывает мобилизовать такой ответ.

Правозащитные институты

Международный уголовный суд

Объектом наступления реакции в ответ на усиление защиты прав человека служат не только сами правозащитники. Едва ли не самым большим успехом правозащитного движения в последние годы стал его вклад в формирование новой международной системы правосудия по самым вопиющим нарушениям. В первую очередь речь идет о начале в 2002 г. работы Международного уголовного суда в Гааге. Прежде репрессивные режимы могли вполне обоснованно рассчитывать на то, что массовые убийства сойдут им с рук, поскольку имели достаточно возможностей обеспечить лояльность национальной судебной системы. Международный уголовный суд и его более специализированные аналоги в форме трибуналов по Руанде, Сьерра-Леоне и бывшей Югославии олицетворяют собой неотвратимость правосудия, которое не подвластно тиранам и диктаторам.

Эти институты все еще находятся на стадии становления, но и в будущем они физически не смогут обеспечить правосудие в отношении всех, кто этого заслуживает. Более того, в ситуации, когда нередко выбор объекта уголовного преследования зависит от глубоко укоренившегося диспаритета влияния, некоторые государства оказываются менее подсудными, чем другие. В результате многие тяжкие преступления остаются без должного реагирования. Однако немалое значение имеет уже сам факт, что иногда безвольную национальную юстицию можно заменить международной. Привлечение виновных к ответственности за уже содеянное способно поддержать пострадавших, а возможность такого поворота событий может удержать кого-то от нарушений и спасти человеческие жизни.

Но надежда для жертв неизбежно означает угрозу для преступников. Поэтому правительства-нарушители, как и в случае с правозащитниками, развернули наступление и на международное правосудие, грозящее утратой столь дорогого им иммунитета.

Толчком к этому наступлению послужил запрос прокурора Международного уголовного суда в июне 2008 г. о выдаче ордера на арест суданского президента Омара эль-Башира за преступления суданских войск и проправительственных полувоенных формирований против мирного населения Дарфура. В марте 2009 г. такой ордер был выдан – впервые в отношении действующего главы государства за военные преступления и преступления против человечества.

Казалось бы, африканские лидеры должны были приветствовать такой шаг. Как никак, больше пяти лет международное сообщество не могло решиться на что-либо серьезное, пока население Дарфура подвергалось массовому истреблению и насильственному перемещению. К сожалению, руководители африканских государств, похоже, были больше обеспокоены дерзкой перспективой того, что действующий глава государства может предстать перед судом, чем бойней, которую он устроил в собственной стране.

Ситуация достигла низшей точки падения на июльском саммите Африканского союза в Ливии. Под давлением Муамара Каддафи была принята резолюция с призывом к африканским государствам не оказывать содействия усилиям Международного уголовного суда по исполнению ордера на арест суданского президента. Некоторые - надо отдать должное Ботсване и ЮАР – впоследствии отвергли такую позицию, но невеселая правда состоит в том, что Африканский союз, основанный на принципах прав человека и законности, принял сторону лидера, обвиняемого в безжалостном истреблении своего народа.

Предлагаемые Африканским союзом доводы не выдерживают критики. В частности, говорилось, что Совет Безопасности официально не ответил Африканскому союзу на его просьбу отложить дело против Омара эль-Башира. Однако этот запрос был, как минимум, спорным, будучи основанным на сомнительном предположении, что жестокий тиран внезапно может превратиться в миротворца. Мнения в Совете по этому вопросу разошлись, и в отсутствие консенсуса пяти постоянных членов, он так и не смог сформулировать свою позицию.

В дополнение к чисто технической стороне вопроса некоторые африканские лидеры указывали на избирательность в подходе Международного уголовного суда, поскольку в тот момент все четыре ситуации, которые вплотную рассматривались в Гааге, были связаны с Африкой (впоследствии прокурор запросил санкцию на начало расследования по пятой – связанной с Кенией). Казалось бы, африканцы должны были только радоваться: впервые международный суд занялся тяжкими преступлениями на континенте. Тем более, что африканские лидеры не возражали до этого, когда несколько полевых командиров были признаны подлежащими суду.

Однако отношение сразу изменилось, как только в 2008 г. встал вопрос об аресте суданского президента. Африканский союз с подачи группы авторитарных режимов стал обвинять Гаагу в предвзятом отношении к африканцам. В действительности, разумеется, все объяснялось лишь циничным стремлением оградить от опасности самих себя. Они не могли не помнить, что в трех из четырех ситуаций африканские

правительства сами предлагали суду начать расследование. Четвертая - дарфурская ситуация была передана на рассмотрение Международного уголовного суда Советом Безопасности, и при голосовании такое решение было активно поддержано Бенином и Танзанией – входившими тогда в Совет от Африки. В поддержку уголовного преследования за преступления в Дарфуре высказалась даже собственная комиссия Африканского союза, созданная в 2009 г. под председательством экс-президента ЮАР Табо Мбеки. Неприкрытые попытки сохранить безнаказанность не смогли ввести в заблуждение африканское гражданское общество и прогрессивные государства континента, которые справедливо обратили главное внимание на обязанность всех правительств уважать законность, а для участников Римского статута – еще и сотрудничать с Международным уголовным судом.

Конечно, и у самого Международного уголовного суда есть проблемы с территориальным охватом. Да, прокурор проводит предварительные проверки и в других регионах (скажем, в Колумбии, Афганистане, Грузии и секторе Газа), но полномасштабные официальные расследования пока действительно ограничиваются Африкой. Отчасти это может быть связано с его общим нежеланием возбуждать расследование по собственной инициативе (предпочтительнее – по представлению Совета Безопасности, хотя последние действия в отношении Кении были его собственной инициативой) или брать дела, чреватые сложными юридическими вопросами. Если бы в Гааге демонстрировали готовность преследовать любые массовые жестокости, то это весьма значительно укрепило бы имидж суда.

Другая проблема связана с тем, что Римский статут ратифицировали еще не все государства. Расследование ряда ситуаций, явно попадающих в компетенцию Международного уголовного суда (Шри-Ланка, Ирак, Газа, Чечня), осложняется тем, что в каждом таком случае соответствующее правительство не является участником Статута. Поэтому вместо упреков в сторону Гааги всем тем, кто заинтересован в расширении территориального охвата суда, стоило бы лучше озаботиться обеспечением максимально широкой ратификации его учредительного договора.

Есть еще и проблема двойных стандартов и непоследовательности со стороны ведущих западных держав. Их заинтересованность в уголовном преследовании за массовые жестокости, скажем, в Гвинее, Кении или Дарфуре резко контрастирует с нежеланием требовать от Израиля хотя бы национального правосудия за военные преступления в Газе. Такая склонность к защите «своих сукиных детей» лишний раз подталкивает Африканский союз к солидарности сомнительного свойства.

И все же, основная ответственность за солидарность с суданским президентом лежит на Африканском союзе. То обстоятельство, что стоны жертв в других регионах мира не всегда могут быть услышаны, не может служить основанием, чтобы отказывать в правосудии африканцам. Но и Западу пора прекратить потакать такому безразличию африканских лидеров к судьбе собственных народов. Лучший способ обеспечить правосудие по тяжким преступлениям вне зависимости от места их совершения – это твердое следование принципам, даже если речь идет о твоих друзьях или союзниках.

Совет ООН по правам человека

Ситуация с Советом ООН по правам человека вызывает тревогу. Он неоднократно критиковал Израиль за нарушения, но при этом игнорировал или ограничивался скромным реагированием на сопоставимые или более серьезные ситуации. Так, в мае 2009 г. небольшой группе государств, традиционно выступающих в поддержку прав человека, удалось добиться проведения спецсессии по Шри-Ланке, где правительственными войсками только что были убиты несколько тысяч жителей, насильственно удерживавшихся «тиграми», и еще 300 000 были интернированы после завершения разгрома боевиков. Вместо того чтобы требовать независимого расследования военных преступлений с обеих сторон, Совет в целом поддержал правительство, закрыв глаза на нарушения с его стороны, и сосредоточившись на нарушениях со стороны ТОТИ.

Как и в других подобных случаях, такая беспринципность отнюдь не была predetermined составом Совета. Большинство его членов составляют демократии, от которых можно было бы ожидать голосования в соответствии с теми же принципами, которым они следуют у себя дома. То, что этого раз за разом не происходит, объясняется способностью многих репрессивных режимов склонять их к голосованию исходя из ложно понятого чувства региональной или «южной» солидарности. То есть, как это происходит с Африкой в случае с Международным уголовным судом, в Совете репрессивным режимам удается убедить демократии в том, что солидарность со «своим» правительством важнее солидарности с его жертвами.

И вновь – в который уже раз – им на руку играют блоковые подходы и избирательная солидарность Запада. Когда Евросоюз тратит уйму времени на выработку согласованной позиции, едва ли способной оказать на кого-то третьего реальное воздействие, или когда США рефлекторно защищают Израиль от обнародованных в сентябре 2009 г. выводов ооновской миссии по установлению фактов в Газе, которую возглавлял экс-судья из ЮАР Ричард Голдстоун, они только облегчают репрессивным режимам задачу сколачивания коалиций в поддержку их собственных «своих сукиных детей».

При этом репрессивные режимы не удовлетворяются одной лишь чередой политических побед. Совет ООН по правам человека – это межправительственный орган, но одним из его достоинств традиционно являются широкие возможности учета независимых голосов. Независимые эксперты и докладчики регулярно представляют свои доклады. Неправительственные организации добавляют свою позицию. Отдельное слово имеет Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Все эти составляющие служат сильным противовесом для системы, которую сегодня подмяли под себя многие из тех самых нарушителей, которые и должны быть объектом реагирования Совета.

Похоже, теперь репрессивные режимы в Совете решили в максимально возможной степени заглушить эти голоса. Для этого предлагается целый ряд способов от «кодексов поведения» до ограничительных процедур и надзора. Такая политика угрожает важнейшим особенностям Совета, благодаря которым он продолжает оставаться полезным институтом, несмотря на нынешнее доминирование в нем реакционных сил. В ситуации, когда уже в 2011 г. предстоит пятилетний обзор итогов работы Совета, существует опасность реализации негативного сценария, если только традиционные сторонники прав и свобод не выступят единым фронтом.

Наглядным примером манипулирования, используемого правительствами-нарушителями для подавления независимых голосов, служит недавняя история с Кубой. Главной мишенью Гаваны было рассмотрение ситуации в стране в рамках механизма универсального периодического обзора – введенной в Совете новой процедуры, в соответствии с которой практика каждого без исключения правительства рассматривается раз в четыре года. Поскольку само обсуждение проводится преимущественно представителями правительств, Куба сделала все возможное и невозможное, чтобы как можно больше дружественных ей государств высказались в ее поддержку, что в условиях ограниченного регламента, естественно, сузило возможности для критики. Когда подошло время неправительственных организаций, правительство постаралось нивелировать эффект, организовав хвалебный хор десятков лояльных общественных объединений. Эти усилия позволили Гаване отрицать, хотя и не слишком убедительно, что в стране есть какие-то политзаключенные или ограничивается свобода слова. Разумеется, нет никаких признаков того, что при подготовке своего отчета правительство, как это принято в подобных случаях, консультировалось с независимыми фигурами внутри страны.

Комитет ООН по делам НПО

Наступление на независимые неправительственные голоса в ООН не ограничивается Советом по правам человека. Для участия в работе ООН любая НПО должна получить

статус консультанта в соответствующем комитете, который состоит из представителей государств. Как и в случае с Советом, туда активно рвутся правительства, не слишком благожелательно относящиеся к неправительственному сектору. Нынешний состав Комитета включает Анголу, Китай, Кубу, Египет, Россию и Судан. Среди отвергнутых им кандидатур были китайская христианская группа (за отказ представить список членов в Китае, что было чревато для них последствиями), эфиопский Совет по правам человека (за якобы несоблюдение нового ограничительного законодательства), а также американский Проект «Коалиция за демократию» (поскольку Китай, Куба и Россия заявили, что он якобы направлен против них, хотя впоследствии эта мотивировка была отменена вышестоящим органом). Особенно трудно получить консультативный статус ЛГБТ-группам, поскольку члены Комитета нередко отдают предпочтение собственным взглядам на мораль перед правом НПО свободно отстаивать права и свободы любого человека или группы лиц.

Европейские региональные механизмы

Негативные тенденции наблюдаются и в европейских институтах. Наиболее последовательную позицию в отношении нарушений со стороны правительства России занимает Европейский суд по правам человека, прежде всего по делам, связанным с Чечней. Суд вынес уже больше сотни решений, в которых признал российское правительство ответственным за похищения, пытки и внесудебные казни в Чечне и за непроведение надлежащего расследования по таким фактам. Россия исполняет решения в той части, которая касается выплат, однако упорно отказывается принимать системные меры, в частности по искоренению безнаказанности, которая лежит в основе очень многих преступлений, через обеспечение эффективного расследования и уголовного преследования. Такая позиция проявляется особенно ярко в тех случаях, когда известны имена командиров операций или конкретные части и подразделения, а такие случаи есть. Примерно в 40 делах российская сторона также не исполняет обязательства по предоставлению Суду соответствующих документов. При этом Россия на момент подготовки этого обзора оставалась единственным членом Совета Европы, который не ратифицировал 14-й протокол к Европейской конвенции по правам человека. Вступление его в силу, среди прочего, позволило бы Комитету министров обращаться в Страсбург с жалобой на правительство, отказывающееся исполнять решение Суда.

Россия также по-прежнему тянет с давно запланированным визитом Дика Марти – докладчика ПАСЕ по ситуации с правами человека на Северном Кавказе.

Асеановская комиссия по правам человека

Формально знаковое институциональное событие 2009 г. на поверку оказалось не столь уж значительным. В октябре Ассоциация стран Юго-Восточной Азии после многолетней подготовки наконец создала региональную Межправительственную комиссию по правам человека. Если судить по дебюту, ожидания были завышенными. Комиссия заявила, что намерена следовать «конструктивному», «неконфронтационному» и «эволюционному» подходу к правам человека. Хотя ее мандат и включает обеспечение и защиту «прав человека и основных свобод народов АСЕАН», сфера ее деятельности ограничивается уважением принципа «невмешательства во внутренние дела стран – членов АСЕАН», принятием решений на основе «консультаций и консенсуса» и намерением учитывать «национальные и региональные особенности», уважать «исторические, культурные и религиозные различия» и исходить из «баланса прав и обязанностей. Весь этот набор фактически дает любому государству право вето и лишает других членов АСЕАН возможности принимать жалобы, рассматривать ситуацию в государстве-нарушителе и проводить в отношении него расследование, вводить санкции или исключать.

Председательствовавший в тот момент в АСЕАН тайский премьер Абхисит Ветчачива разъяснил, что для АСЕАН вопрос прав человека – это вопрос не осуждения, а знания, добавив, что улучшение ситуации происходит «эволюционным путем». Если вспомнить, что членами АСЕАН являются Бирма, где безжалостный военный режим не проявляет никаких признаков уважения прав собственного народа, а также Вьетнам и Лаос с их устоявшимися диктатурами, такая «бархатная эволюция» должна занять немалое время.

Предполагалось, что комиссия будет взаимодействовать с гражданским обществом. Однако на первой «интерактивной встрече» председательствующий Таиланд отверг пятерых из десяти предложенных участников (из Бирмы, Камбоджи, Лаоса, Филиппин и Сингапура), после чего трое из оставшихся пяти ушли сами. Ранее на встрече министров иностранных дел было решено, что каждое государство будет определять своего неправительственного участника таких встреч.

Заключение

Правозащитное движение вполне могло бы прожить и без такого своеобразного признания своей состоятельности, как нападки со стороны реакционных сил. Конечно, сознание того, что противник вынужден контратаковать, приносит определенное удовлетворение, но опасность ответного удара нельзя недооценивать. Движение в целом сохраняет свою мощь и в состоянии отразить контрнаступление реакции. Но отдельные его части – конкретные правозащитники и организации уязвимы и нуждаются в поддержке.

Одно дело констатировать стремление репрессивных режимов сократить издержки своего произвола, сведя к минимуму возможность предъявления счета. Другое – противостоять этому. Успех последнего должен зависеть не только от мужества отдельных правозащитников. Движению должны помочь те правительства, которые заявляют о своей приверженности правам и свободам. Описанные здесь приемы реакционных сил, хотя и ставшие сегодня более изощренными, при желании легко различимы невооруженным глазом. Дадут ли заинтересованные правительства им отпор или предпочтут ради собственного удобства сделать вид, что ничего особенного не происходит? Ответ на этот вопрос может во многом определить шансы реакционеров на успех.

Настало время для более решительных действий правительств по защите правозащитников и правозащитных институтов во всем мире. Речь идет о большей принципиальности, даже если нарушитель является союзником. Нужно также уметь разглядеть нападки реакции и разоблачать их, называя вещи своими именами. Убийство или произвольное задержание правозащитника, лишение регистрации правозащитной организации или подрыв международного института не должны восприниматься как заурядные нарушения. Это косвенное признание в том, что правительству есть что скрывать, и оно пытается обезвредить источник информации. Самый надежный способ переломить эту тенденцию – это удвоить усилия по исправлению тех самых нарушений, которые правительствам хотелось бы надежно скрыть от «посторонних» глаз.